

НЕ *Музыкальное* *чувствование,*

или

Musico affettuoso

Сборник статей
к 65-летию Бориса Ароновича Капа

Редакторы-составители:

Александр Долинин, Илья Доронинков,
Людмила Ковнацкая, Наталия Мазур

Издательство
Европейского университета в Санкт-Петербурге
2013

Давно установлено, что здесь подразумеваются два послания Дени-
а Давыдова, обращенные к его сослуживцу по Белорусскому гусарско-
му полку. Приведем по катрену из каждого:

Бурдову. Призывание на пушк

Бурцов, ёра, забытка,
Собутыльник дорогой!
Ради бога и... арака
Посetti домишко мой!⁴

Бурдову
Бурдов, ты – гусар гусаров!
Ты – на ухарском коне –
Жесточайший из угаров
И наездник на войне!⁵

[1] «Вы знаете», продолжал Сильвио, «что я служил в *** Гусарском полку. [2] Характер мой вам известен: я привык первенствовать, но сколько это было во мне страсти. [3] В наше время буйство было в моде: я был первым буйном по армии. [4] Мы хвастались пьянством: я перепил славного Б***, воспетого Д. Л – м. [5] Дуэли в нашем полку случались поминутно: я на всех был или свидетелем, или действующим лицем. [6] Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно сменяясь, смотрели на меня как на необходимое зло...»

Уже известный читателю репертуар стилевых регистров Сильвио – в обществе офицеров он держался злоречивым утромщем, а наедине с повествователем «говорил <...> с простодушием и необыкновенно приятностью» – пополнен еще одним. Теперь Сильвио выглядит само- забвенным баухалом, компрометирующим рассказ о собственных пон- вигах лишенным всякого вероподобия описанием полковой жизни (фразы [5–6])³, что подчеркнуто тавтологическим ходом: помимо случались дуэли и помимо сменились командиры. Однако позерство в данном случае – не персональное свойство персонажа, но стиль же непременная черта в облике «коренного гусара» начала XIX в., как и разгульное молодчество. Именно в этот период гусарской вольницы формируется ее легендарная история, ключевыми фигурами которой становятся два исторических лица, прозрачно зашифрованных в фра-зе [4].

¹ Подход к «Повестям Белкина», которому следует данная заметка, кратко описан в статье: Лямина Е., Назарова Н., Островат А. К изучению прозы Пушкина // Труды по русской и славянской филологии. Литературное изучение. VII. Новая серия. Тарту, 2009. С. 128–141.

² Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П. СПб., 1831. С. 14. (Цит. по reprintному воспроизведению: Пушкин А. С. Повести Белкина / Научное издание. М.: 1999). Здесь и далее цитаты из повести даются по этому изданию. См.: Бегунова А. Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I. М., 2000. С. 87–88.

³ Давыдов Д. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. Э. Вануро. Л. 1984. С. 56.
⁴ Там же. С. 57–58.

⁵ Биографические данные об Алексее Петровиче Бурдове можно суммировать в краткой сводке. Он родился в 1779 г. (г. е. был пятью годами старше Лавыдова), военную службу проходил с 1795 г. в Белорусском гусарском полку – с 1803 г. В 1805 г. липецкий городничий П. Т. Бурдов огорчился поведением сына, «величайшего гуляки и самого отчаянного забуддлия из всех гусарских поручиков» (товарищами, что «однажды въехал он на коне в жилые покой своих родителей с требованием денег»), но между тем его офицерский формуляр, в котором отмечено участие в страждиях, не содержит никаких порочащих записей. В декабре 1807 г. он – «за болезнь» – содергает капитана перевел в Саратовский гарнизонный батальон, а в 1809 г. уволился в чине капитана в Белорусском гусарском полку. Согласно формулярю, «с муниципом». В 1810 г. Бурдов снова зачислен в Белорусский гусарский полк. Согласно полковым рапортам, он проболел почти всю кампанию 1812 г.; по сведениям Аполлона Марина (его троюродного брата), он умер от ран, полученных на поле боя, по рассказу же, записанному П. И. Бартеневым (его племянником), кончина Бурдова последовала в 1813 г. в Брест-Литовске «вследствие пари, заключенного в пьяном виде»: «наскакал со всего бегу на околицу и раздробил себе череп». См.: Бегунова А. Указ. соч. С. 90–91; Жихарев С. П. Записки современника. М.: Г. 1955. С. 74 и 706 (коммент. Б. М. Эйхенбаума); Русский архив. 1889, № 3. С. 401 (примеч. П. И. Бартенева); Давыдов Д. Стихотворения. С. 197 (примеч. 5); Марин С. Н. Полн. собр. соч. М. 1948. С. 456, 485, 488, 489 (коммент. Н. Н. Арнольда).

⁶ Вяземский П. А. Стихотворения / Вступ. ст. Л. Я. Инзбург; сост., подгот. текста и примеч. К. А. Кумпан. Л., 1986. С. 76.

Послания Бутцкову Пушкин прочел еще в лицейские годы (за несколько лет до личного знакомства с их автором, состоявшегося в декабре 1818 г.), и позднее он едва ли оставил без внимания первое печатное указание Давыдова на адресата его гусарской лирики. Напомним, что с 1821 г. в дружеском кругу получила распространение начальная редакция автобиографии Давыдова, написанной от третьего лица⁸, а в 1828 г. «Некоторые черты жизни и леяний генерал-майора Давыдова» появились на страницах московского журнала «Русский зритель» — с предисловием М. П. Погодина, который, следуя полученному указанию, приписал этот текст некоему «тайнственному анониму», но с той оговоркой, что от «дальновидных и проницательных» читателей, наверное, не укроется «имя почтенного автора»⁹. Критики сразу разгадали маневр Давыдова, обеспечивший ему полную свободу в изображении собственных подвигов, и, как выразился современный исследователь, «взята вне своего эстетического качества», автобиография «производила впечатление безудержного хвастовства»¹⁰. Интереснейшее нас место выглядит следующим образом:

В 1804 году судьба, управляющая людьми, или люди, направляющие ее ударами, принудили повесу нашего выйти в Белорусский гусарский полк, расположенный тогда в Киевской губернии в окрестностях Звенигородска. Двадцатилетний гусарский ротмистр закрутил усы, покачнул кивер на ухо, затянулся, натянулся и пустился плясать мазурку с Полячками.

В сие бешеное время он писал стихи своей красавице, которая их не понимала, и сочинил известный призыв на пунш Б...ву, который читать его не мог, от того, что сам *писал мыслете*.

В 1806 году, быв переведен в Лейб-гусарский полк поручиком, Давыдов явился в Петербург.

⁸ Мы не касаемся здесь последующей истории текста этого сочинения и его публикаций, которыми открывались оба поэтических сборника, подготовленных самим автором (см.: Давыдов Д. Стихотворения. С. 225–227; примеч. 96). Варианты последней редакции напечатаны в книге: Давыдов Д. Избранное / Вступ. статья, сост., коммент. А. А. Ильина-Томича. М., 1984. С. 37–51; Давыдов Д. Стихотворения. С. 125–130, 179–182 (сводка основных разнотечений).

⁹ Русский зрителъ. 1828. Ч. 1. № 1 и 2. С. 43.

¹⁰ Вацуро В. Э. Денис Давыдов — поэт // Давыдов Д. Стихотворения. С. 38. Обзор отзывов (развернутого продиртированных) на публикацию 1828 г. см.: Орлов В. С. Служба литературного наследства Дениса Давыдова // Литературное наследство. М., 1935. Т. 19/21. С. 301–302.

¹¹ Русский зрителъ. 1828. Ч. 1. № 1 и 2. С. 46–47. Этую раннюю редакцию автобиографии Пушкин, возможно, знал и до ее публикации — по одному из ходивших сплетков, от которых до нас долеп фрагмент, озаглавленный «Некоторые объяснения на послужной список генерал-майора Дениса Давыдова» (Русский архив. 1889. № 3. С. 399–403).

¹² Название уездного города — Звенигородка, а не Звенигородск: эта опечатка, допущенная в тексте «Русского зрителя», исправлена во всех позднейших публикациях автобиографии.

¹³ Ср. среди прочего в мемуарах И. Р. Дреилинга, в 1811 г. служившего в Малороссийском кириллическом полку, который стоял в Болгуставе Киевской губернии: «Всю осень и всю зиму мы провели очень весело <...>. На <...> балах было очень оживленно, чему некогда способствовал флирт с хорошенькими польками...» (1812 год: Воспоминания воинов русской армии / Из собрания Отдела письменных источников Государственного исторического музея. М., 1991. С. 368).

¹⁴ Это, кстати говоря, соответствует расчетам, произведенным Л. П. Гроссманом (Исторический фон «Выстрела» // Гроссман Л. Цех пропа. М., 1930. С. 234) и Е. А. Тудоровской (Время «Повестей Белкина» // Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1973. С. 220–221). Датировка «первой дуэли» Сильвио и графа Б** 1814 или 1815 г. (см.: Колмак А. О повести Пушкина «Выстрел» // Мосты. 1970. № 15. С. 194; Шварцбанд С. История «Повестей Белкина». Иерусалим, 1993. С. 85–86) — пилод недоразумения. См. в стихотворении «Решительный вечер гусара»: «А завтра — черт возьми — как злюя натянуся...» (Давыдов Д. Стихотворения. С. 83).

¹⁵ Мыслете — название буквы «М» в славянской азбуке.

¹⁶ См.: Двигитин Ф. Н. Об одном возможном случае прототипического подтекста: персонажи Поголи и литераторы // Текст и комментарий: Материалы круглого стола к 75-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 2006. С. 167–183. Ср. также более раннюю работу: Чудакова М., Тодес Е. Прототипы одного романа // Альманах библиофилов. Вып. X. М., 1981. С. 172–190.

казательно, что в рассматриваемом фрагменте эта игра немедленно получает продолжение. В ее поле вовлекается Александр Бестужев (Марлинский), автор повести «Вечер на биваке», откуда взят второй эпиграф к «Выстрелу». Дуальная тема, сплита лишь обозначенная в автобиографии Давыдова, развернута во фразе [5]:

Дуэли в нашем полку случались поминутно: я на всех был или свидетелем, или действующим лицем. —

с прямой отсылкой к социальной репутации штабс-капитана лейб-гвардии Драгунского полка, засвидетельствованной показанием Федора Глинки на следствии по делу 14 декабря:

Александр Безстужев человек с головою романническою, был из числа моих, так сказать, *выстрельных* знакомых. <...> Я ходил задумавшись, а он рыцарским шагом и, встретясь, говорил мне: «Воевать! Воевать!» Я всегда отвечал: «Полно рыцарствовать! Живите смирище!» — и впоследствии всегда почти просыпалась, что где-нибудь была дуэль, и он был секундантом или участником¹⁸.

Отмеченное совмещение в облике Сильвио давыдовского фанфонаста и *бестужевской* бравады — одна из тех мимолетных, каплевидных мелькающих ассоциаций, которые работают на деструктуризацию главного героя «Выстрела». В следующем абзаце его речевая маска резко меняется:

Я спокойно (или беспокойно) наслаждался моего славого...

ЧЕТВЕРТЫЙ ВОПРОС К ПУШКИНУ: МАЛЕНЬКОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

Легенда об отравлении Моцарта — в ранней версии какими-то безымянными венскими итальянцами², а в поздней — завистником Сальери — возникла не на пустом месте. Еще до нее в Европе получило хождение несколько сходных исторических анекдотов о гибели известного художника или музыканта, отправленного завистниками, причем все они имели итальянский колорит. Это не удивительно, так как до конца XVIII в.

изготовление и применение ядов ассоциировались главным образом с итальянцами. Многочисленные отравления, в которых обвиняли папу Александра VI, его сына Цезаря Борджии и других жестоких итальянских властителей эпохи Ренессанса, провербильные отправители и отправительницы — в первую очередь прелестная Джулия Тоффана, якобы изобретшая так называемую «акву тиффана» (или иначе «итальянский яд») и отправившая на тот свет более 600 человек, или Джованни Бонана, повешенная в 1789 г., — способствовали формированию особого стереотипа итальянца, всегда имеющего наготове смертноносное оружие. Этот стереотип отразился у Шекспира — не только в «Ромео и Джульете», но и в «Цимбелине», где сказано, что уковарных итальянцев «столько же яду на языке, сколько в руке» (акт III, сц. 2), в готическом романе Анны Радклифф «Итальянец» («The Italian, or the Confession of the Black Penitents», 1797), где демонический злодей Скедони в финале убивает сильно действующим ядом своего главного врага и самого себя, в романе мадам де Сталь «Дельфина» («Delphine», 1802), где

¹ См. в книге Б. А. Капи «Однинадцать вопросов к Пушкину. Маленькие гипотезы с эпиграфом на месте послесловия» (СПб., 2008) главу «Вопрос 4. Как Моцарт и Сальери оказались за трактирным столом? О неучтенном источнике „Моцарта и Сальери“» (С. 54–63).

² По воспоминаниям немецкого музыкального критика Георга Людвига Петера Зибера (Georg Ludwig Peter Sievers, 1775–1830), вскоре после получения известия о смерти Моцарта он, тогда шестнадцатилетний юноша, в разговоре со своим учителем музыки, брауншвейгским капельмейстером Иоганном Готфридом Шваненбергом (Johann Gottfried Schwanenberg, 1740–1804), упомянул служок, будто бы «Моцарт пал жертвой венских итальянцев». На это Шваненберг ответил: «Дурусти, он ничего не сделал такого, чтобы заслужить подобную смерть» (Allgemeine musikalische Zeitung, Bd. 21, 1819, № 8, Col. 120; англ. пер.: Eisen C. New Mozart Documents. A Supplement to O. E. Deutsch's Documentary Biography. Stanford, 1991. P. 71). В комментариях М. П. Алексеева к «Моцарту и Сальери» рассказ Зибера передан неверно (см.: Пушкин. Полн. собр. соч. Т. VII: Драматические произведения. Л., 1935. С. 527).